

УДК 1(091)

ФИЛОСОФИЯ КАК ОПРАВДАНИЕ АБСОЛЮТОВ. В ПОИСКАХ CAUSA FINALIS

В.В. Ильин*, Т.О. Тедеева**, А.В. Тимофеев***

* ГБОУ ВПО Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана, г. Москва

** Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВПО Казанского (При-
волжского) федерального университета, г. Набережные Челны

*** ФГБОУ ВПО «Самарский государственный аэрокосмический университет
имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский универси-
тет)», г. Самара

Развивается новый взгляд, согласно которому философия истолковыва-
ется как эвристический инструмент оправдания абсолютот. Последние
трактуются в терминах неререфлектируемых (в границах фиксированных
культур) предельных предпосылок познания.

Ключевые слова: *знание, предпосылки познания, софиология.*

Не следует говорить мало о том, о чём нужно говорить много. В
силу линейности доказательной мысли, обеспечивающей выражаемому
обязательность благодаря дискурсивной организации собственного со-
держания, за форматом рассмотрения остаются фундаментальные пред-
посылки – исходные начала, основоположения, когнитивные презумп-
ции, пресуппозиции. Взятые в своей предельности, т. е. будучи помыс-
лены в терминах «последних, крайних, граничных» условий, пунктов,
точек развертывания порождаемых ими динамических морфогенетиче-
ских прогрессий, рядов, они обретают плоть идейной фигуры «первоис-
точного абсолютного» с характерной атрибутикой: самодостаточность,
самозаконность, самостоятельность, безосновность, безусловность, без-
различность, автономность, независимость, непосредственность, всепо-
лагаемость, всепоглощаемость.

Невзирая на многооттеночность цветовой гаммы философских
исканий, в них позволительно выделить некий сплачивающий лейтмотив,
каким оказывается охота за «устойчивым и надежным» [1, с. 102].
Не нарушая прав истины, со всей определенностью утвердим: *ad notam*
– история философии есть история поиска абсолютот. Подкрепим вы-
сказанное многозначительными сентенциями Канта: «...то, что необхо-
димо побуждает нас выходить за пределы опыта и всех явлений, есть
безусловное, которое разум необходимо и вполне справедливо ищет в
вещах самих по себе в дополнение ко всему обусловленному, требуя
таким образом законченного ряда условий» [6, с. 25] и Шелера: «У че-
ловека нет выбора – формировать или не формировать у себя метафизи-
ческую идею и метафизическое чувство, т. е. идею о том, что в качестве

сущего, которое существует лишь посредством себя... и от которого зависит все иное сущее, лежит в основе мира и самого человека. Сознательно или бессознательно, благодаря собственным усилиям или из традиции – человек всегда необходимо имеет такого рода идею и такое чувство. Выбор у него только в том, иметь ли ему хорошую и разумную или плохую и противную разуму идею абсолютного. Но иметь сферу абсолютного бытия перед своим мыслящим сознанием – это принадлежит к сущности человека и образует вместе с самосознанием, сознанием мира, языком и совестью одну неразрывную структуру» [8, с. 4].

Alia initia fine – всякий конец кладет начало чему-то другому. Во избежание *regressus ad indefinitum* прибегают к испытанному познавательному приёму – финализации. В задачу последней входит конкретное указание на завершающую точку схождения ряда условий, знаменующую первоисточное безусловное. Доктрина располагает богатыми традициями как генерации, так и тематизации подобной продуктивной точки. Не имея возможности детализировать ретроспективу, наметим кильватер тока рефлексивной мысли, обозначающей крайние линии рассуждений.

Онтология: Лао-цзы (дао); Гераклит, стоики, Филон (логос); Филолай (беспредельное предпологающее); гностицизм, неоплатонизм, пантеизм (учение о едином); монадология (учение о всеобщей необходимости, исключаяющей возможности и вынуждающей ситуацию единственно возможного и наилучшего мира); софиология (учение о всеединстве – В. Соловьев, С., Е. Трубецкие, П. Флоренский, С. Булгаков); христология (учение о первом лице Троицы – Боге-отце – изначальном первоначале-Вседержителе).

Гносеология: Плотин, Порфирий, Прокл (экстатическое восхождение к сверхбытийному); нативизм, интуитивизм, априоризм, трансцендентализм (проскопия, интроскопия, фанероскопия, реверсия, дивинация). Здесь же – учение о премудрости Божией как опосредствующем начале между Богом, миром и человеком, приобщение к которому позволило тому же Булгакову высказать: «Человеческое творчество в знании... хозяйстве... культуре... искусстве софийно» [3, с. 139].

Некий синкретизм онтологической и гносеологической платформ поставляют модели эманации, панлогизма (Гегель), активизма (Фихте), самосозерцания абсолюта (Шеллинг), пропитанные пафосом философии тождества.

Оставляя за рамкой анализа архаично-мистические, всецело обанкротившиеся перед лицом реальности вариации, оттолкнемся от той интригующей установки Канта, согласно которой «безусловное должно находиться не в вещах, поскольку мы их знаем (поскольку они нам даны), а в вещах, поскольку мы их не знаем, т. е. как в вещах самих по себе» [6, с. 26]. На обозрении трансцендентных оснований нашего опыта специализировалась натурфилософская спекуляция в лице трех

амбициозных дисциплин: рациональной онтологии (космологии) – всеобъемлющее учение о мире в себе; рациональной психологии (пневматологии) – всеобъемлющее учение о душе в себе; естественной теологии – всеобъемлющее учение о Боге в себе.

Компетенции сверхопытной, рафинированно отработанной Вольфом априористической метафизики серьезно поколеблены кантовой критической философией, подорвавшей технику спекулятивного умозрения, но не саму принципиальную интенцию на *causa finalis*, оправдание абсолютного. Можно проблематизировать частные методики внедрения, освоения предельно-безусловно-самодовлеющего, можно сомневаться в специфических возможностях отдельных сценариев укоротить сюжетистику запредельного, но лишать в целом ум поисков чего-то, несоизмеримого с конечными определениями познавательных устремлений, недопустимо. Особенность метода философии как стилистической жанровой канвы формообразования суть «тоска» по всеохватной мирозначимой сфере.

Верно, человек способен «искусственно вытеснить ясное осознание этой сферы, уцепившись за чувственную оболочку мира: тогда направленность на сферу абсолютного (тем не менее. – *Авт.!*) сохраняется, сама же сфера остается пустой, лишенной определенного содержания. Но пустым тогда остается и центр духовной личности в человеке, и пустым остается его сердце» [8, с. 4–5].

Итак, зафиксируем: философия как метасознание, самосознание совокупной плодотворной человеческой самореализации озабочивается введением абсолютов; она предлагает слова, устанавливающие место абсолютного сущего («время», «небо», «святость» и т.п.), которое уточняется последующими словами (вариант подобного уточнения в модуле «частного выражения общими словами» – формы искусства). В противном случае – недостаток самососредоточенности, следствие влияния проходного. Тогда человек, сам того не замечая, заполняет сферу абсолютного «конечными вещами, с которыми он обходится в своей жизни так, “как если бы” они были абсолютными: так могут обходиться с деньгами, нацией, с любимым человеком. Это – фетишизм и идолопоклонничество» [8, с. 5].

Однако же не пристало высокое втискивать в прокрустово ложе низкого; жизнь не поддерживается спряганием недостойного. Впечатления нарочитости преодолеваются критикой. Человек должен научиться двум вещам: «...посредством самоанализа осознать своего “идола”, занявшего... место абсолютного бытия...»; «...разбить вдребезги этого идола, т. е. вернуть... чрезмерно обожаемую вещь на ее относительное место в конечном мире» [8, с. 5]. Тогда мысль окажется разомкнутой, душевные предвзятости снятыми, странные сближения преодоленными и состояние духа человека позволит ему беспрепятственно открывать смысл абсолютного.

Содержательное измерение философии как искания абсолютного оконтурено, остается оконтурировать методическое его измерение: каким способом безусловное, абсолютное постигается?

Традиции философствования указывают на спекулятивное умозрение, падкое на произвольное (беспредметное) конструирование. Пренебрегать метафизикой – вечной проблематикой разума – невозможно, но невозможно (вследствие опыта натурфилософии) и организовывать ее трафаретно негодным способом.

Нащупывая положительную перспективу, сойдемся на том, что аргументы позитивизма, обесмысливающие искания абсолютного, не кладут конец возможности обсуждать проблему. Тем более что многие проблемы и науки, и философии, и культуры позитивистскими методами не обсуждаются.

С позиций эвристической экипировки у человека есть вполне добротные законные средства познания, дабы в строго очерчиваемых границах благочинно осваивать абсолютное. Во всем богатстве духовных символических форм обособим фазисы:

– «графия» – артикуляция предметности в специализированном языке феноменологических модельно-аналоговых констатаций, нащипованных протокольными предложениями, незатейливыми типологизациями;

– «логия» – сущностная тематизация, версификация, мыслительная проработка природы чего бы то ни было. Фокусировка на Боге влечет развертывание теологии; культуре – культурологии; человеку – антропологии; мире – космологии; истории – историологии; обществе – социологии; жизни – биологии;

– «гония» – концептуализация становления, возникновения, упорочения чего бы то ни было. Центровка на Боге обуславливает выстраивание теогонии; мире – космогонии; роде – антропогонии; истории – историогонии; социуме – социогонии. Есть области мысли, где крайне скуден запас полезных идей. Именно такова ситуация «гонии»: у Гесиода отмечались сложности с выводом пантеона; практически неразрешимые головоломки возникают с оформлением космо-, антропо-, историо-, социогонии. Причины: а) трудности введения исходных систем отсчета – начальных точек значимых процессов; б) препятствия налаживания проверочных экспериментов (дефицит верификации в науках палеоцикла). Как следствие – эмпирически необоснованный, неквантифицируемый характер рассуждений, качественное «плетение словес» при связанности отработанного механизма исключения рабочих абстракций;

– «софия» – головоломный метауровень, претендующий на рефлексивность значения, назначения, предназначения, устремления чего бы то ни было. Определение цели, отнесение к ценности для любой неживой – живой, объективной – субъективной структуры как осмысленный акт

гносеологически означает полное, всестороннее критико-аналитическое обозрение её (структуры) мировой линии с замыканием на полновесное резюмирующее квалифицирующее суждение. Локализация мировых линий подлежащих оценке структур ввиду их нетривиальности, полифундаментальности, встроенности в бесконечные связи – всегда плод сильных и по большей части искусственных концептуальных приемов, налаживаемых употреблением принципа абстракции, абстракций отождествления, неразличимости, подменой актуально бесконечной индивидуализации тождеством и т. д. Обостряются вопросы полноты описания универсумов, адекватности их разбиения, компоновки, предпосылок справедливости условий на подстановку (зависимость полноты описаний от параметров абсолютности характера описаний – адекватность теорий оправдывается адекватностью принципов, лежащих в их основании) и т. п.

Дело приобретает трудно выразимый оборот в случае структур антропных – целе-ценностно ориентированных, идеалоёмких. Обозреть мировую линию (с поправкой на сказанное) удаётся в отношении образований частичных. При жизни человека как существа целе-ценностно трансцендирующего тематизировать сюжет его назначения невозможно: мы не обременены пониманием, на что он в принципе может быть способен. Лишь когда кристаллизуются две даты с элегическим тире между ними, по оценке (всегда неполной) наследства (от индивида) и наследия (от личности) позволительно квалифицировать прожитое. Также в отношении структур социально-исторических. Римской империи нет, и по замыканию мировой линии на две крайние точки возможно версифицировать «что Рим дал миру». Но ничего похожего недопустимо делать по поводу России, которая есть (да будет!) и которая непредсказуемым образом способна изменить и свои, и мировые линии.

Ещё в большей степени дело усугубляется применительно к человечеству. Если человек для истории завершаем всегда, то человечество – никогда. Оно есть ничем не лимитируемый имперфект, уразуметь смысл, понять значение, вывести предназначение которого возможно *post factum*. Но никакого *post factum* в случае человечества нет. Мы встроены в историю и лишены способности выйти вон: позиция стороннего наблюдателя для представителя человечества по отношению к человечеству недостижима. Отсюда по части «софии» – сугубо некритическая практика, в перекрытии опыта стремящаяся овладеть трансцендентным. Таков, к слову, гегелевский социософский ортогенез, навивные финалистские, провиденциалистские, эсхатологистские картины истории (хилиастического, коммунистического, либерально-рыночного толка).

Изложенного довольно, чтобы обратить внимание на превратности организационного оформления системно осмысленной реальности в границах «софии». С одной стороны, очарование, с другой стороны,

разочарование метафизикой с неизменной беспредметностью, произвольностью. Здесь, как видно, не избежать вопроса вопросов: возможно ли логически безупречно, идейно внятно концептуализировать сверхопытное?

Если вслед за позитивизмом освободить философию из плена «тайного порыва» в гораздо более обширные и непрозрачные области опыта, нежели стандартное экспериментирование (правда, тогда не только её, печатью «шагать за горизонт» отмечена и строгая наука – математика, естествознание в части обработки неподатливого базальта «актуальной бесконечности», «чистого существования» и т. п.), спрашивается: как ей в горниле отчаяния и сомнения достигать понимания некоего решающе важного – добиваться ответов на «проклятые» вопросы человеческого миростроения: что есть бытие и небытие, смерть и бессмертие, высокое и низкое, корыстное и бескорыстное, греховное и праведное, человеческое и псевдочеловеческое?

Не будем эксплуатировать риторическое для очистки зерен от шелухи. Из философии (как и любой мыслительно ёмкой сферы духовного) не может быть вытравлен суровый пафос абсолютного. Отработка декора вечности, безусловности, безотносительности в материале частного (эпохального) – творческая стезя философии, вступающей в опасные, но благодатные воды «восторга сопричастности» превосходящему обычную меру.

Зачастую проект дороже постройки. Легко сойдемся на том, что в разуме должно быть символическое идеально долженствовательное (ценностно довлеющее), нацеленное на преодоление сущего. В символе абсолютное поставляется в мир вещей. Понимание этого (аутентичной природы абсолютно символического) влечет и крайне важное практическое понимание того, что вымысел и обихоживает, и вытесняет реальность. К примеру, по идеально-символическим трактовкам справедливого, благого предпринимается фактический обсчет (калькуляция) доступа и к одному, и к другому.

По всем данным причинам, возвращаясь к ранее допущенному двусмысленному «с одной стороны», «с другой стороны», выскажемся однозначно. Ничто так не соблазняет произносить пустые слова, как отсутствие твердости, полное колебаний состояние нерешительности убеждений. «С одной стороны – с другой стороны» – стилистически инертная, эвристически дутая фигура; последовательно продуманное метафилософское рассуждение о философии не предоставляет какого-то шанса – должна оставаться либо одна, либо никакой стороны. Невзирая на юмовско-позитивистскую критику, философская метафизика вечна: она олицетворяет коренящиеся в разуме потребности отыскивать звезды в «мглистой лазури неба» и потому представлять перед Вечно – Высоким – от имени его воплощений.

Если «историю» не уподоблять «памяти», должна быть полноценная и полноправная версия пробивания мысли к *finis ultimus* – говоря прямо, всякая серьезная философия обязана слагать глубокую историю: относительно Бога – «теософию»; истории – «историософию»; рода – «антропософию»; общества – «социософию»; культуры – «культурософию»; космоса – «космософию». Предел мечтаний проекта «софия» – поставить серьезный сценарий смысла, устремления, направленности, линий движения миро-, жизне-, социозодчества (молчаливая весомость мысли релевантна в полной мере безличному, но не безразличному миру, ситуация в котором в терминах природознания концептуализируется ресурсом антропного принципа).

В таком курсе видение «софия» пребывает неким оправданием трансцендирующего абсолютного, взятого не статически, а динамически – под фирмой не *сгux stat*, но *dum volvitur orbis*. Спроецированная на полноту философских занятий, подобная трактовка обязывает понимать философию как последовательное углубление темы «предельное» в модусе «избавление от ржавчины места и времени» в языке не эзотерической тоталологии, а идеалологии.

Живое причастие трансцендирующему первоисточному в вещном обретается:

– технически:

а) установлением символически пограничного, ценностно предельного в деятельностном – проработка статуса базовых начал духовного, практически-духовного, практического;

б) на базе (а) установлением символической пограничности, ценностной предельности самого деятельностного – проработка статуса человеческой миссии, объективируемой в духовном, практически-духовном, практическом;

в) на базе (а, б) установлением устойчивого в изменчивом, инвариантного в вариантном (абсолютного в относительном) – перипетиях общеродового духовного, практически-духовного, практического деятельностного по реализации собственной интимной миссии.

Способ уберечься от производства *fata morgana* в философии – вычленение непреходящего в вершении истории, самоосуществлении.

В немногих словах уточним: высшая возможность постичь абсолютное – не озарение, а выявление полноты значений фундаментальных целе-ценностных интенций процессов. Скажем, абсолютное в знании – достоверность, конденсация истины в доказательном познании. Абсолютное в праве – гарантийность обмена деятельностью, равнопартнерство сосуществования. Абсолютное в морали, нравственности – человечность общения не по корысти (благоразумный расчет), а по «целесообразности без цели», благородному решению «не могу иначе», внутренней потребности души, автономии духа.

При въедливом наблюдении, следовательно, в каждом капитальном процессе из самой техники его самоосуществления – в просматривании движения от одной фазы к другой с рефлексией панорамы внутренней динамики – позволительно обособливать некое архетипическое. Не в редакции «предзаложенность», как у Мора: Утоп исключал веру, будто «мир несется наудачу, не управляемый провидением» [7, с. 259], но в редакции «реперы складывания» (в результате нарушения состояний равновесия в собственных колебаниях) тех или иных универсумов. Применительно к неорганике возникает задача прояснить причины структурной устойчивости вещества во Вселенной (статус фундаментальных физических констант – ФФК). Применительно к органике представляет задачу прояснить причины саморегуляции, эквифинальности, целесообразности. Применительно к надорганике осознается задача прояснить причины гуманитарности (статус фундаментальных социальных – символических – констант – ФСК), трактуемой как свободное развертывание человеческих сущностных сил.

Трудно найти лучшее завершение «технической» части, как адресоваться к той мысли, что сверхопытное в проекте «софия» никоим образом не корреспондирует «трансцендентному» (имплицитному порочное спекулятивное); оно корреспондирует «сверхэмпирическому», кристаллизуемому не во временном, а во временном общеродовом проявлении разума. Как подчеркивает Шелер, «мы вынуждены отнести сферы бытия, существующие независимо от кратковременно живущего человека, к актам единого наиндивидуального духа... который деятельно проявляет себя в человеке и посредством него растет» [8, с. 12];

– интенционально:

а) философское оправдание абсолютного кладет себя на алтарь не «поэзиса» (сочинительство), но «диайрезиса» – рефлексивной категорологии – уяснение содержательных кумуляций в понятийных схемах умственного развития;

б) как отмечалось, способность постичь «предельное» – не озарение, но уловление принципов, законов созидания и устройства сущего в движении от несуществующего к могущему оказаться существующим и действительно существующему;

в) категоризация перехода возможного в действительное в объективном процессе (природе и целеполагающей деятельности) протекает как установление вербального и субстантивного – предикативного и абсолютного – значения в череде артикулируемых законов, отнесений к ценностям.

Сущее обретает бытие по фюсису (природа); номосу (установление); выверенному креатусу (через преференции, обуславливающие действия, побуждения менять обстоятельства). Линия осознания складывания сущего на природно-деятельной основе транспонируется доктринами космо-, антропо-, культуро-, историко-, социософии, утрирую-

щими непреходящее: каждое временное бытие обременено вечностью, выступающей в образе сознания ценности. Как высказывает Виндельбанд, «тогда отпадает... незначительное, существование со всеми его интересами, основанными на временном ходе вещей, и нечто общезначимое, сверхиндивидуальное поднимается из глубин... жизни» [4, с. 279].

Загадка «софии» – загадка возрождения, и состоит она в забвении частного: «...до тех пор, пока причины моего мышления, чувствования, воления коренятся в определенной времени индивидуальности, они сливаются с шумом вещей; но как только их основой становится сознание общезначимости, они поднимаются из темного хаоса времени в эфир вечности» [4, с. 279]:

– креативно:

а) «Бог ждет от человека творческого акта как ответа человека на творческий акт Бога» [2, с. 195], – говорит Бердяев. Человек как существо самосозидающееся, самопреобразующееся, самопреодолевающееся совершается в творчестве, проявляя «богоподобие» [5, с. 50];

б) «что-то вещей, полагаемая в идее, есть сущность», – утверждает Гуссерль. Человеческое творение сущего соотнобразуется с идейно-символическим эссенциальным, оказывающимся антиципирующим будирующим реальное;

в) «мысль есть самообнаружение реальности», – высказывает Франк. В контексте не интуитивистского, а креационистского прочтения соображение приобретает вид: всякое предметное бытие как внутреннее, так и внешнего мира следует соотносить с человеческим (наука – геоцентрична, созидание среды обитания – антропоцентрично). Как верно отмечает Шелер, «все формы бытия зависят от бытия человека. Весь предметный мир и способы его бытия не есть “бытие в себе”, но есть встречный набросок, “срез” этого бытия в себе, соразмерный общей духовной и телесной организации человека» [8, с. 11]. (Этим – очередное подчеркивание – современная метафизика суть не космология, не теология, но культуро-, историко-, социо-, антропология).

Реальное – подобное символического (самоочевидность обратного не допускает, однако, наивно-реалистического прочтения), – упрочается в опосредствующей сетке реифицирующих преобразований подобия. Учитывая, что человекоосваемая реальность есть средоточие объективаций человеческих замыслов (моделей), приходится отдавать должное платонизму, настаивающему на сообразности бренного (тленного, тварного) эйдетическому. «Подобное» – имеющее касательство к символической форме высшего – резонансно «единому»; «неподобное» – «иному», что в аретологических сближениях получает трактовку: подобное – гармоничное (в чем влияние абсолютного сказывается изнутри созидания реальных), благое; неподобное – дисгармоничное, несправедное.

В креатологической плоскости человеческая богоподобность (сотворенность по «образу и подобию») привносит лейтмотив миметического: уподобленность одного другому удовлетворяется высотой, благообразностью целей, усилий мирозидания, соответственных совершенному, символически каноническому (царству эйдосов – платонизм, эстетическим идеалам – эстетизм («прекрасное» классицизма).

Резюмирование сути, зафиксированной в обозначенных трёх моментах, отчленяет идею гомотетии, которая характеризует операции преобразования многообразий через постановку в соответствие некоторым сущностям их однопорядковых контрагентов (при строгих процедурах, связываемых коэффициентом подобия). Стандартные преобразования подобия в математике обобщаются теорией аффинных преобразований, стандартные преобразования в деятельности по схемам «цель – средство – результат», «модель – воплощение», «замысел – претворение» обобщаются теорией родового призвания: в опоре на деятельность (становящейся планетарной силой) человечество творит сущее «по образу и подобию», т. е. целерационально, руководствуясь высшими, абсолютными символами ценного, идеального.

Сказанное напрямиком ведет нас в сердцевину вопроса: сценическая сверхзадача неспекулятивной метафизики – искусство гомотетии.

Философ – не виртуоз, а законодатель человеческого разума. Будучи таковым, он вынужден осваивать искусство преобразований – уподобления сущего символически абсолютному. Философия вырастает из невозможности реальной жизни. Решая проблему «что есть мир», философ развёртывает не натурфилософскую, а антропософскую сцену графию человекоразмерного мира, в котором – без побочных уместований – можно жить «по-людски» (каждый эпохальный отрезок существования взыскует аутентичной тематизации сути последнего). Прекрасно об этом – у Фета:

Хоть не вечен человек,
То, что вечно, – человечно.

Открывательная человекообразовательная функция отдаёт решительное предпочтение антропософии перед натурфилософией, задает исследовательский фронт «софии» как техники вычленения, «законченного ряда условий». Граница спекулятивного – неспекулятивного обозначается твёрдо и чётко: по отношению к совокупному антропному процессу, рукотворению.

Традиционная метафизика точна, пока не ссылается на реалии; нетрадиционная метафизика точна, пока на реалии ссылается.

Consummatum est: смысл человечества выводим не извне, а внутри его бытия – через фиксацию капитальных для него ценностей. К ним, как минимум, относятся продление существования и обретение совершенного существования. Тематизация предмета подводит к убеждению: нетрадиционная метафизика оказывается не только антрополо-

гичным, но и аксиологичным знанием; *in puncto puncti*, она является универсальной теорией ценностей жизни. Так как ценность человека, лишь интенция на человеческую ценность делает жизнь ценной; ценность жизни – в воплощенности в ней фундаментальных социальных констант: гуманитарных символических абсолютов.

Цена, смысл, назначение человечества (истории, культуры, общества) уясняются погружением в стихию актуального вершения жизни, устройства сущего. Смысл бытия – само бытие. Оно, быть может, трудно выносимо – неизвестность самопроизвольности вселяет ужас, но этот ужас все-таки предпочтительнее кошмара неизбежности существования. Лучшее и худшее в нас – не от запрограммированности, а от нас самих. Наш бог – бег. Не по проторенной колее, тем не менее и не как попало, – с оглядкой на разумное, доброе, вечное, посеянное в веках, – осуществляем мы бег свой в незнаемое грядущее.

«Живёшь, смотришь на людей, и сердце должно либо разорваться, либо превратиться в лёд», – печалился Шамфор. Ламентация лишается привкуса драматического, если представить, что дело человека связано с его назначением. Такой поворот требует принятия базового рамочного условия в качестве предпосылки размышления. Разумеется допущение унитарности всемирно-исторического процесса.

Если руководствоваться единственно приемлемой для нас сравнительно-аналитической точкой зрения и выводить назначение человечества из самого факта человечности, объективного существа человека, надлежит перво-наперво оговорить исходное. Исходное же – двуединый вопрос единства истории и ее факторов. В отношении первого признаем: мы – последовательные, убежденные адепты естественно-исторического монизма. История едина; ее унитарность – в объективно-эволюционном происхождении. В отношении второго уточним: опять-таки мы остаемся апологами естественно-историчности. Говоря откровенно, нам никогда не была близка вероуचितельная схема Августина – Ясперса, усматривающая единство истории в мистериях творения Богом человека и грехопадения. Сверхъестественное наделяет смыслом, означает нечто лишь для субъекта, потерявшего вкус к разуму. Те же, на кого не действует фидеистическая установка, принимают в расчет мир не как фантазм, но как данность.

Человек как существо самоценное есть предмет, бытие которого само по себе есть цель, он есть сущее для себя; остальное все – его обслуживающее. С данных позиций не человек – креатура Бога, а Бог – креатура человека. Вникнуть в судьбу человека позволяет не сакрализация, а взвешенная динамическая натурализация – прослеживание упрочения человека разумного. Подпочва единства истории – не священнодействие, задающее тривиально чудотворный ряд: творение – грехопадение – воплощение – искупление – воскресение; ось жизни в ином – достойном движении к материальной и духовной раскрепощенности, пол-

ноте самореализации через социальный и экзистенциальный прогресс, восхождение к гуманитарно высокому.

Творец сущего имеет судьбу субстанции. Традиционная метафизика наделяла данной судьбой Бога, в оправдание его деяний разворачивала теодицею. Нетрадиционная метафизика, не могущая быть креатологией и только могущая быть «метаантропологией акта» [8, с. 12], в оправдании «дел преобразовательных славных» разворачивает антроподицею. Человеческая история перестает быть историей придания «смысла бессмысленному» (Лессинг) – потусторонний всеильный Вседержитель вполне способен обойтись без зеркальной несовершенной копии (а как иначе? – каждый вслед за Шелером вправе обострить: «Если Бог всемогущ и всезначим, как же он мог сотворить такого разорванного человека, как Я?» [9, с. 112]). Откуда следует: вникнуть в судьбу сущего, его назначение предполагает выработать серьезную версию его самостановления вплоть до высшей сферы мироздания – упрочения *Homo sapiens*.

Список литературы

1. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 365 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
3. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1912. Ч. 1. 162 с.
4. Виндельбанд В. Избранное. М., 1995.
5. Вышеславцев Б.П. Образ божий в существе человека // Путь. Париж, 1935. № 49. С. 48–71.
6. Кант И. Сочинения: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 3. 721 с.
7. Мор Г. Утопия. М.: Наука, 1978. 417 с.
8. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 413 с.
9. Lutzeler H. Personlichkeiten. Fr. i. Br.: Klostermann,, 1978. 476 S.

PHILOSOPHY AS JUSTIFICATIVE OF ABSOLUTES. IN SEARCH OF CAUSA FINALIS

V.V. Ilyin*, T.O. Tedeeva**, A.V. Timofeev***

* Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow

** Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny

*** Samara State Aerospace University, Samara

A new approach to philosophy as a heuristic tool of absolutes justification is proposed within the paper format. Absolutes are interpreted as the ultimate premises of cognition existing in cultural systems.

Keywords: *knowledge, premises of cognition, sophiology.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор ГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

ТЕДЕЕВА Татьяна Олеговна – соискатель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: neronikus75@mail.ru

ТИМОФЕЕВ Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ПМ и ВТ ФГБОУ ВПО «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)», г. Самара. E-mail: timofeev av@list.ru

Authors information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – Ph.D., Prof. of Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

TEDEEVA Tatyana Olegovna – Ph.D. student of the Philosophy Dept., Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: neronikus75@mail.ru

TIMOFEEV Alexander Vadimovich – Ph.D. (Pedagogy), Assoc. Prof., Samara State Aerospace University, Samara. E-mail: timofeev av@list.ru